

УДК 343**Разработка механизма уголовно-правового противодействия
финансированию преступной деятельности в разрезе института
соучастия: законотворческие и правоинтерпретационные
решения****Балиев Усман Казимович**

Исследователь,
Нижегородская академия МВД России,
603144, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: murad200318@icloud.com

Аннотация

В статье автор описывает особенности разработки механизма уголовно-правового противодействия финансированию преступлений. Автор описывает два пути интеграции соответствующего механизма в отечественное правоприменение: интерпретационное и правотворческое. При этом, по тексту статьи автором приводятся доводы в пользу разработки именно законотворческих предложений по внесению в уголовное законодательство изменений в части, касающейся соотношения финансирования преступной деятельности с регламентированным Общей частью УК РФ институтом соучастия в преступлении, а именно к пособничеству в совершении преступления.

Для цитирования в научных исследованиях

Балиев У.К. Разработка механизма уголовно-правового противодействия финансированию преступной деятельности в разрезе института соучастия: законотворческие и правоинтерпретационные решения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 336-344.

Ключевые слова

Финансирование преступлений, финансирование преступной деятельности, соучастие, пособничество, финансирование терроризма, финансирование экстремистской деятельности.

Введение

В научном сообществе по вопросу разработки уголовно-правового механизма противодействия финансированию преступной деятельности уже сравнительно длительное время ведутся дискуссии, которые, несмотря на их очевидно затянувшуюся продолжительность, до сих пор не повлекли за собой как формирование какого-то общепринятого единого мнения по озвученной теме, так и закономерную реакцию законодателя. При этом значительная часть существующих в доктрине исследований лишь косвенно затрагивают данную область и, как правило, посвящены вопросам криминализации или правоприменения в сфере противодействия финансированию весьма узкой группы общественно-опасных деяний, образующих отдельные специальные нормы в структуре Особенной части уголовного законодательства России. К примеру, именно данному направлению часть своего диссертационного исследования посвятил Субачев А.К., указывающий составы преступлений, предусмотренные ч. 1¹ ст. 205¹, ч. 4 ст. 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ч. 1 ст. 359 и ч. 2 ст. 361 УК РФ, как предусматривающие финансирование в структуре объективной стороны, отметив, что обоснованность криминализации некоторых из предполагаемых данными нормами деяний вызывает сомнения, при этом, обращая внимание на то обстоятельство, что уголовный закон не содержит какого-либо универсального определения финансирования [Субачев, 2019, с. 125-126]. Действительно, на сегодняшний день широкое распространение получила практика криминализации отдельных проявлений института соучастия посредством внедрения в Особенную часть уголовного закона специальных норм, устанавливающих ответственность за организацию, посредничество и подстрекательство (см., например, ч. 1 ст. 184, ч. 1 ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 205, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ и пр.), однако, следует отметить, что не столько рассредоточение института соучастия, сколько сама идея непрекращающегося, не вызванного объективной необходимостью (как, например, правовые пробелы) дополнения отечественного уголовного закона специальными нормами вызывает существенные сомнения, разделяемые, многими представителями уголовно-правовой доктрины, поскольку полагаемая нормативная избыточность влечет несогласованность Общей и Особенной частей уголовного закона России, из чего вытекают проблемы в правоприменении. Встречаются научные изыскания, посвященные данной проблеме, так, она поднимается в трудах А.И. Рарога [Рарог, 2009], А.Н. Петрушенкова, который отмечает отсутствие взаимосвязи Общей и Особенной частей УК РФ по некоторым вопросам реализации норм о формах и видах соучастия, что приводит к ошибкам в правоприменении [Рарог, 2009, С. 130], М.В. Архипова и Е.А. Редькина, согласно мнению которых в Особенной части в ряде статей законодатель вводит понятия, неизвестные институту соучастия.

Основное содержание

Уголовное законодательство не должно содержать правовых пробелов, во всяком случае таковые должны своевременно выявляться и должным образом устраняться за счет грамотного правотворческого реагирования на возникающие в обществе новые криминогенные факторы и преступные проявления, по крайней мере именно эта необходимость вытекает из подразумеваемой ст. ст. 1 и 3 УК РФ позитивистской природы отечественного уголовного права, но и правотворчество даже в таких условиях не должно быть сплошным, обреченным на постоянное воспроизводство дублирующих друг друга норм в разных главах и разделах

уголовного закона России. Имеет смысл обратиться к законотворческой оптимизации уголовно-правовых механизмов противодействия преступности, не умаляя возможностей Общей части УК РФ и ее неоспоримой взаимосвязи с Особенной частью. Наиболее актуальной в этом разрезе видится как раз проблематика уголовной ответственности за финансирование преступлений, поскольку, как уже было отмечено выше, действующая редакция УК РФ предусматривает весьма широкий спектр статей Особенной части, устанавливающих ответственность именно за финансирование преступлений и преступной деятельности, поскольку, вопреки очевидной связи финансирования с институтом соучастия, вопрос юридической оценки такого финансирования не урегулирован ни ст. 33 УК РФ, ни в иных положениях Общей части УК РФ, несмотря на, казалось бы, логически подразумеваемое отношение финансирования к пособничеству. Самые очевидные, на наш взгляд, направления – финансирование терроризма и экстремистской деятельности. Как отмечает В.В. Кустова, внимание научной общественности к комплексной разработке уголовно-правовых проблем, сопряженных с финансированием преступной деятельности, возникло лишь после появления в содержании уголовного закона норм, устанавливающих ответственность за финансирование террористической и экстремистской деятельности [Кустова, 2016, С. 7]

Если применительно к институту соучастия в целом законодательные и правоприменительные подходы к его реализации и можно дифференцировать на те, что изложены в Общей части уголовного законодательства (глава 7 УК РФ), и те, которые закреплены в нормах Особенной части УК РФ, то применительно понятия финансирования преступления подобного разграничения законодатель не предлагает. Вместе с тем, поскольку он, очевидно, рассматривает финансирование как механизм, своего рода, содействия преступному поведению, то уместным видится и вопрос о том, почему финансирование как конструктивный или квалифицирующий признак предусмотрен лишь в отдельных областях преступности (терроризм, экстремизм, массовые беспорядки и т.д.). Не порождает ли такой законотворческий подход те самые правовые пробелы, возникновение которых государство в лице правотворческих органов обязано предупреждать или, как минимум, устранять их посредством различных юридико-технических способов.

Прежде всего, конечно, необходимо выяснить понятийное содержание финансирования преступлений, чтобы детально сопоставить его с уже известным и разделяемым научным сообществом определением соучастия в преступлении, что в последующем позволит нам обоснованно соотнести финансирование с функциями, присущими конкретному виду соучастников, из числа тех, что описываются в ст. 33 УК РФ. В настоящий момент так и не выработано единой директивной системы противодействия финансированию преступной деятельности, что непосредственным образом отражается на качестве и единообразности принимаемых правотворческих и правоприменительных решений, способствуя непоследовательности проводимой в данной области уголовной политики. По мнению академика В.Н. Кудрявцева отсутствие единства в понимании уголовно-правовых категорий затрудняет творческую работу и практическую деятельность юриста связанную с противодействием преступности [Кудрявцев, 1999, С. 68].

Финансировать можно практически любое преступление, однако это не будет относиться к феномену финансирования преступной деятельности. Как справедливо отмечает В.В. Кустова, современное уголовное законодательство предусматривает широкие возможности по привлечению к ответственности в рамках института соучастия за финансирование совершения многих преступлений (финансирование как организация преступления, финансирование как

пособничество и как подстрекательство к совершению преступления) [Кустова, 2016, С. 10]. Таким образом, следует различать понятия «финансирование преступления» и «финансирование преступной деятельности». 1. Термин «финансирование» широко используется в категориально-понятийном аппарате гуманитарной, главным образом экономической и юридической науки, а также в многочисленных нормативных правовых актах российского законодательства. Несмотря на это, его содержание предстает предметом многочисленных дискуссий и ни в одном официальном документе не дается его легальная интерпретация. Это обуславливает существование особенного, специального уголовно-правового значения понятия «финансирование» применительно к преступной деятельности не совпадающего по своему объему с сугубо финансово-экономическим его значением. В свою очередь, мы предлагаем под финансированием преступной деятельности в уголовно-правовом аспекте понимать совершаемое умышленно активное общественно опасное поведение, выражающееся в предоставлении или сбору средств либо оказанию финансовых услуг, заведомо предназначенных для материального обеспечения преступной деятельности физического или юридического лица, или деятельности любого иного запрещенного уголовным законом объединения.

Исходя из предложенной трактовки мы уже можем сделать некоторые промежуточные выводы, заключив, что понятийно финансирование преступлений или преступной деятельности семантически близко к некоторым видам соучастников. Так, вопрос о соотношении финансирования с институтом пособничества до сих пор остается дискуссионным, финансирование может быть рассмотрено через призму классического пособничества лишь через призму существующих в уголовном законе признаков последнего. Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ пособник осуществляет содействие совершению преступления, однако, законодатель дает весьма детальные уточнения способов такого содействия: советы, указания, предоставление информации, средств или орудий совершения преступлений, устранение препятствий. При этом предоставления какой-либо финансовой или материальной помощи не фигурирует в числе признаков, через которых правоприменитель должен идентифицировать такого пособника и с учетом которых он должен предъявлять ему обвинение, по тексту которого описывая разграничение ролей, соотносящееся с текстом уголовного закона. Т.е. материальное (физическое) пособничество, если толковать закон буквально, игнорирует возможность предоставления финансовых активов и иных благ в качестве материального обеспечения преступления при сложном соучастии. Может показаться, что финансирование можно отнести к «предоставлению средств», однако, стоит обратить внимание, что категория средства в данном случае позаимствовано из теоретического учения о составе преступления и подразумевает объективный признак состава. Так, Д.Б. Побережный пишет, «средства преступления являются признаками ч. 5 ст. 33 УК РФ, в которой содержится характеристика одного из видов сложного соучастия – пособничества» [Побережный, 2008, С. 352]. С.С. Некоз отмечает: *«закрытый перечень пособнических действий в ч. 5 ст. 35 УК РФ является существенным препятствием на пути уголовно-правовой оценки общественно опасных деяний, которые связаны с реальным оказанием помощи в совершении преступления...»* [Некоз, 2023, С.61]. Он же обращает внимание на то, что *«судебная практика признает пособничеством случаи финансирования преступной деятельности, если они не содержат признаков самостоятельного состава преступления...»*, приводя в пример случай из судебной практики, где суд квалифицировал действия по единовременному предоставлению денежных средств в незначительном размере по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 208 УК РФ, несмотря на существующий в диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ

признак финансирования [Некоз, 2023, С. 62], что, тем не менее, видится нами как недопустимое в силу ст. ст. 1 и 3 УК РФ расширительное толкование конкретной уголовно-правовой нормы правоприменителем в лице суда. По этой же причине скептически относимся к утверждению В.Ю. Шубиной о том, что в рамках института соучастия законодатель утонил дефиницию пособника, криминализовав финансирование террористической деятельности [Шубина, 2011, С. 28] – опять же интуитивно такой тезис кажется верным и справедливым, но в разрезе позитивистской природы российского уголовного законодательства данная презумпция оказывается некорректной с учетом вытекающих из такого позитивизма интерпретационных и правотворческих юридико-технических правил, поскольку в сложившихся правовых реалиях можно лишь теоретически предполагать, видеть потенциальную возможность формирования юридической связи между финансированием и пособничеством. Даже законодатель в рамках особенной части в настоящий момент отделяет финансирование и пособничество, что видно, в частности, на примере структуры ст. 205 УК РФ, где уголовная ответственность за пособничество и за финансирование одних и тех преступлений террористической направленности разделена по разным частям статьи (ч.1 и ч. 3 ст. 205 УК РФ). Примечательно, что из соотнесения диспозиции ч. 3 ст. 205 УК РФ с наименованием данной статьи следует, что законодатель соотносит такие понятия как содействие и пособничество как общее и частное, часть и целое, полагая под пособничеством разновидность содействия, относя к последнему также и склонение, вербовка, вовлечение, характерные, пожалуй, для роли подстрекателя. С другой же стороны, по смыслу ч. 5 ст. 33 УК РФ содействие являет собой как раз вид пособнических действий. Такая несогласованность положений Общей и Особенной части УК РФ порождает сомнения в системном подходе при построении российского уголовного законодательства, так как в одном и том же нормативно-правовом акте категории содействия и пособничества соотнесены друг с другом и как часть с целым, и как целое с частью.

Таким образом, разработку юридико-технических решений озвучиваемых в настоящем исследовании проблем необходимо вести с учетом необходимости формирования единого подхода к пониманию взаимосвязи таких терминов, как: соучастие, пособничество, содействие, финансирование.

Между тем, не представляется связать между собой понятие финансирование преступления с подстрекательством, несмотря на то, что ч. 4 ст. 33 УК РФ, в отличие от ч. 5 ст. 33 УК РФ, хоть как-то, косвенным образом, отсылает нас к использованию финансовых и прочих материальных благ как к механизму соучастия. Так, ч. 4 ст. 33 УК РФ гласит, что подстрекательство может выражаться в склонении другого лица путем подкупа. Тем не менее, следует заключить, что склонение не подразумевает финансирование. Говоря о финансировании преступлений, следует, прежде всего, подразумевать финансирование действий или деятельности третьих лиц, у которых момент возникновения умысла на соответствующее общественно опасное поведение не зависит от деятельности соучастника, осуществляющего финансирование, в то время как склонение подразумевает прямую зависимость между действиями подстрекателя и возникновением умысла (даже формированием вины в целом) у другого лица. Однако стоит признать, что финансовые и материальные ресурсы, получаемые от финансирования преступлений или преступной деятельности, в дальнейшем могут быть использованы для вовлечения в совершение преступлений третьих лиц. Основываясь на изложенном, отмечаем, что финансирование преступления не ставит самоцелью вовлечение конкретных лиц или группы лиц в преступление.

Касательно же роли организатора, то она может быть связана с финансированием

преступлений и даже заключаться в таковом настолько, насколько понятие организации преступления может в себя включать функции пособника и подстрекателя, поглощая их. Так, согласно описательно-мотивировочной части Приговора Сургутского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ–Югра) № 1-579 от 05.07.2024 по делу № 1-579/2024 лицо организовало поставки наркотических средств, разработало схему учета последних, осуществляло контроль за сбытом наркотических средств и поступлением финансов, полученных преступным путем от сбыта наркотических средств, а также дальнейшее их обналичивание, а равно осуществляло контроль за финансированием структурных подразделений и созданием между ними устойчивых связей». Согласно же приговору Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 02.07.2024 по делу № 1-546/2024: *«свидетель № 1, являясь организатором и руководителем преступной группы, осуществляет общее руководство и финансирование преступной деятельности организованной преступной группы»*¹. Кроме того, в приговоре Московского областного суда Московской области по делу № 2-94/2024 от 29 марта 2024 г. описываются роли, которые на себя брал организатор преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: *«неустановленное лицо... как руководитель организованной группы, взяло на себя обязательства осуществлять руководство и координацию противоправных действий членов группы, распределяя между ними функциональные обязанности; осуществлять финансирование преступной деятельности созданной организованной группы»*. В подобном же ключе финансирование преступной деятельности к роли организатора отнес и Сыктывкарский городской суд Республики Коми по приговору от 19 февраля 2024 г. по делу № 1-10/2024. И все же закон не оставляет правоприменителю прямых оснований как-то отождествлять или относить финансирование к соучастию или какому-либо виду соучастников.

На наш взгляд, существуют два основных юридико-технических направления, позволяющих устранить существующие в актуальном уголовном законодательстве России правовые пробелы в части установления уголовной ответственности за финансирование преступлений, не прибегая при этом к коллизиям норм Особенной части УК РФ и внутренним противоречиям в структуре всего уголовного законодательства и практики: правотворческое и правоинтерпретационное.

Правоинтерпретационное направление нами рассматривается как, прежде всего, первоочередное и временное решение, призванное восполнить образовавшиеся в УК РФ пробелы посредством разработки отдельных разъяснений суда высшей инстанции по вопросам, связанным с квалификацией финансирования преступлений по действующему уголовному законодательству. Такого рода разъяснения призваны для своевременного разрешения вытекающих из выявленных пробелов проблем правоприменения. Разумеется, это потребует расширительного толкования уголовного законодательства, недопустимого современной судебной практике, однако, как видно из приведенных выше примеров судебной практики, правоприменение уже прибегло к такого рода толкованию, что вызвано объективной необходимостью, вытекающей из несовершенства и внутренней противоречивости актуальной редакции УК РФ. Но в таком случае, следует хотя бы привести такую расширительно толкующую УК РФ судебную практику к единообразию. При реализации правотворческого направления решения описываемых по тексту настоящей статьи юридико-технических

¹ Дело № 1-546/2024: Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 02.07.2024 URL: [//sudact.ru/regular/doc/fW82MIhw1rxS/](https://sudact.ru/regular/doc/fW82MIhw1rxS/) (дата обращения: 18.02.2025).

проблем, казалось бы, недопустимые в силу ст. ст. 1 и 3 УК РФ правоинтерпретационные тезисы утратят свою актуальность и могут быть изъяты из редакций соответствующих постановлений при их адаптации под уже принятые законодательные акты, вносящие изменения в УК РФ.

В этих целях нами предлагается дополнить соответствующие постановления Пленума Верховного Суда РФ, по тексту которых разъясняются отдельные аспекты квалификации соучастия, положениями, согласно которым предоставление денежных средств, ценных бумаг или иных материальных благ, заведомо для виновного предназначенное для обеспечения преступления или преступной деятельности (например, покупки средств и орудий совершения преступления), необходимо будет квалифицировать как пособничество в преступлении, а в некоторых случаях и как организацию преступления, если помимо финансирования виновный осуществляет и иные, не характерные для пособничества, функции. Такими положениями могут быть дополнены, например, п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а также во многие другие акты судебного толкования по вопросам применения уголовно-правовых норм.

В части же правотворческого направления, нами предлагается проект федерального закона о внесении изменений в ч. 5 ст. 33 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«5. Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления, денежных средств, в том числе электронных денежных средств, ценных бумаг, иных материальных благ и ценностей, заведомо предназначенных для обеспечения совершения одного или нескольких преступлений, либо лицо, содействующее совершению преступления путем устранения препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.».

Заключение

Разумеется, предложенные решения требуют широкого и глубокого научного переосмысления и обсуждения. При этом, мы убеждены, что такие соответствующие законотворческие и интерпретационные разработки являются, без преувеличения, актуальными с учетом сформировавшихся в России криминогенных факторов, поскольку финансирование преступлений как криминальное явление способствует воспроизводству преступности, в этой связи решение о принятии полагаемых законотворческих инициатив (или хотя бы о внедрении проектов таковых на законодательную площадку) должно быть принято своевременно, т.е. в максимальные короткие сроки.

Библиография

1. Субачев, А. К. Институт Соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Субачев Алексей Константинович ; Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2019. 215 с. Текст – непосредственный.

2. Парог, А. И. Пробелы и избыточность в российском уголовном законе // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №2. С. 106-109.
3. Петрушенков, А. Н. Парадоксы применения форм (видов) соучастия в преступлении в статьях Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №3 (31). С. 129-139.
4. Архипова М. В., Редькина Е. А. Отражение норм института соучастия в статьях Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2008. №3. С. 10-17.
5. Кустова, В. В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кустова Виктория Викторовна ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва, 2016. 206 с. Текст – непосредственный.
6. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрист, 1999. 304 с.
7. Побережный, Д. Б. Средство преступления как признак пособничества и посредственного причинения / Д. Б. Побережный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 351-355.
8. Некоз, С. С. Актуальные проблемы квалификации пособничества в преступлении в судебной практике / С. С. Некоз // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 4(96). С. 60-68.
9. Шубина, В. Ю. К вопросу о совершенствовании законодательного описания института пособничества в совершении преступления / В. Ю. Шубина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2011. № 4(9). С. 28-30.

Development of a Criminal Law Mechanism to Counteract the Financing of Criminal Activity in the Context of Complicity: Legislative and Interpretative Solutions

Usman K. Baliev

Researcher,

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603144, 3 Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: murad200318@icloud.com

Abstract

This article examines the development of a criminal law mechanism to counteract the financing of criminal activities. The author analyzes two approaches to integrating such a mechanism into domestic legal practice: interpretative and legislative. The article presents arguments in favor of developing legislative proposals to amend criminal law regarding the relationship between financing criminal activities and the institution of complicity as regulated by the General Part of the Russian Criminal Code, particularly focusing on aiding and abetting criminal offenses.

For citation

Baliev U.K. (2025) Razrabotka mekhanizma ugolovno-pravovogo protivodeystviya finansirovaniyu prestupnoy deyatel'nosti v razreze instituta souchastiya: zakonotvorcheskie i pravointerpretatsionnye resheniya [Development of a Criminal Law Mechanism to Counteract the Financing of Criminal Activity in the Context of Complicity: Legislative and Interpretative Solutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 336-344.

Keywords

Crime financing, criminal activity financing, complicity, aiding and abetting, terrorism financing, extremist activity financing.

References

1. Subachev, A.K. Institute of Complicity in a Crime and its Reflection in the Norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: specialty 12.00.08 "Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law": dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Subachev Aleksei Konstantinovich; Far Eastern Federal University. Vladivostok, 2019. 215 p. Text - direct.
2. Rarog, A.I. Gaps and Redundancies in Russian Criminal Law // Problems of Economics and Legal Practice. 2009. No. 2. P. 106-109.
3. Petrushenkov, A.N. Paradoxes of the Application of Forms (Types) of Complicity in a Crime in the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (31). P. 129-139.
4. Arkhipova M. V., Redkina E. A. Reflection of the norms of the institute of complicity in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation // All-Russian Criminological Journal. 2008. No. 3. P. 10-17.
5. Kustova, V. V. Criminal liability for financing criminal activity: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; criminal-executive law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Kustova Victoria Viktorovna; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow, 2016. 206 p. Text - direct.
6. Kudryavtsev, V. N. General theory of crime qualification / V.N. Kudryavtsev. – 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Jurist, 1999. 304 p.
7. Poberezhny, D. B. The means of a crime as a sign of aiding and abetting and indirect causing / D. B. Poberezhny // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2008. No. 73-1. P. 351-355.
8. Nekoz, S. S. Actual problems of qualification of aiding and abetting in a crime in judicial practice / S. S. Nekoz // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. No. 4 (96). P. 60-68.
9. Shubina, V. Yu. On the issue of improving the legislative description of the institution of aiding and abetting in the commission of a crime / V. Yu. Shubina // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2011. No. 4(9). P. 28-30.